

Завязкина Ирина Николаевна

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧАЙНОГО РЕЦЕПТА: МОДИФИКАЦИОННЫЕ И МУТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДНОСТИ

В статье рассматриваются модификационные (внутрижанровые) и мутационные (межжанровые) процессы деривации в образовании и изменении речевого жанра чайного рецепта. Дополнены имеющиеся исследования новыми представлениями о производности данного жанра, что дает возможность составить его характеристику в различных ракурсах исторического и культурного развития. Изменения связаны с трансформацией жанрообразующих параметров в разных сферах функционирования чайного рецепта, с варьированием структурно-языковых признаков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 67-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1+81'38

Филологические науки

В статье рассматриваются модификационные (внутрижанровые) и мутационные (межжанровые) процессы деривации в образовании и изменении речевого жанра чайного рецепта. Дополнены имеющиеся исследования новыми представлениями о производности данного жанра, что дает возможность составить его характеристику в различных ракурсах исторического и культурного развития. Изменения связаны с трансформацией жанрообразующих параметров в разных сферах функционирования чайного рецепта, с варьированием структурно-языковых признаков.

Ключевые слова и фразы: речевой жанр; чайный рецепт; дискурс чаепития; дериватология; деривационные процессы; модификация; мутация.

Завязкина Ирина Николаевна, к. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
irina.zavyazkina@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ЧАЙНОГО РЕЦЕПТА: МОДИФИКАЦИОННЫЕ И МУТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДНОСТИ[©]

Выделение речевого жанра (РЖ) чайного рецепта (ЧР) в качестве особого объекта исследования вызвано тем, что он имеет исключительное значение для чайного коммуникативного пространства, а также ряд особенностей, отличных как от других жанров речи, так и от РЖ кулинарного рецепта, которому посвящен ряд исследований (П. П. Буркова [1], Е. В. Филиппова [8], М. А. Кантурова [4]). Это один из самых распространенных видов текста, с которым мы встречаемся в повседневной жизни.

Предметом изучения является специфика реализации и функционирования РЖ ЧР в устном дискурсе (бытовом и церемониальном), в книгах по завариванию чая (в том числе и в «кулинарном» дискурсе, где ЧР рассматривается как способ приготовления съестного блюда или специфической приправы), в медицинском дискурсе (лечебный ЧР, косметический ЧР), в публицистическом дискурсе, средствах массовой информации, на тематических сайтах, в «чайных» блогах, в структуре произведений художественной литературы, живописи.

Данный РЖ описан нами в свете некоторых проблем теории РЖ (М. М. Бахтин, К. Ф. Седов, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, В. Е. Гольдин, Н. Б. Лебедева, Е. И. Шейгал, М. А. Кантурова и др.). При анализе РЖ ЧР и создании его «портрета» в «историческом развитии и культурной дифференцированности» [10, с. 65] мы опирались на схему РЖ, предложенную и опробованную Т. В. Шмелевой, состоящую из таких параметров, как: коммуникативная цель, образы адресанта и адресата, диктум, факторы прошлого и будущего, формальная организация; на коммуникативно-семиотическую модель РЖ Н. Б. Лебедевой [6], дополняющую указанную выше модель графико-пространственным параметром (как?); орудием-средством (чем?); субстратом, материальным носителем знака (на чем?); носителем субстрата (в чем?); средой (где?); временем восприятия знака (когда?); параметрами «ход коммуникации» и «социальная оценка». Переход ЧР из одной сферы функционирования в другую изменяет его жанрообразующие, структурные, языковые признаки, что указывает на разные уровни и виды процессов производности в широком их толковании и позволяет говорить и об отношениях дериватологии в системе РЖ. Это привело нас к рассмотрению межтекстовых деривационных процессов [5], к исследованию деривационного потенциала РЖ ЧР и к обращению к уже созданной М. А. Кантуровой типологии деривационных процессов в системе различных типов высказываний и методике их описания [4].

Таким образом, в РЖ ЧР можно выявить, согласно данной типологии, межжанровые (ведущие к изменению жанра, мутационные) и внутрижанровые (не ведущие к изменению жанра, модификационные) деривационные процессы.

ЧР как вид кулинарного рецепта можно считать вторичным РЖ, производным от бытового рассказа и совета в результате мутационного преобразования из двух указанных первичных единиц. Основными признаками этого деривационного процесса являются сфера общения, фактор адресата и степень обличительности. От бытового рассказа ЧР заимствовал информативную функцию, от совета – императивную. Изменение РЖ привело к его превращению в качественно отличающийся жанр.

Церемониальный ЧР уже как вид ЧР является также производным, но образование его произошло путем трансформационного изменения первичной единицы (бытового ЧР). Изменились отдельные признаки РЖ, но он опознается как соответствующий жанр. Значимость внешней атрибутики переводит чаепитие из разряда чисто гастрономических явлений в категорию действий, имеющих социально-культурное, а иногда и метафизическое значение.

К модификационным РЖ ЧР можно отнести и инструкцию по хранению и приготовлению чая, чаще всего расположенную на чайной упаковке и содержащую только способ заваривания (на упаковке она так и обозначена – «инструкция к завариванию» или «способ приготовления»), и лечебный ЧР, образованный в результате процесса трансформации обычного ЧР. Но, согласно китайским легендам, рассказывающим о лечебных свойствах чая и по-разному интерпретирующим происхождение чайного напитка, лечебный ЧР, является

первичным РЖ по отношению к бытовому ЧР. Ср.: «Однажды Шэнь Нун лежал под деревом, и с чайного куста ему в рот скатилась нагретая солнцем росинка. Он проглотил ее, почувствовал прилив силы и бодрости и с тех пор употреблял чай как противоядие» [2, с. 10]. Или: «Будучи в путешествии, Шен Наигом отдыхал под тенистым деревом и дождался, когда вскипит вода. Внезапно подувший ветер сорвал несколько листьев с дерева, и они медленно опустились в котел с кипящей водой. Листья, оказавшиеся чайными, придали воде необычный вкус, очень понравившийся Шен Наигому. Более того, утолив жажду, он почувствовал такой прилив сил, что отправился в путь значительно раньше намеченного времени» [9, с. 10]. В «Чайном каноне» Лу Юя, непревзойденного мастера чая, написано о чайном напитке, что «люди, утончающие свое поведение и накапливающие качество – дэ, пьют его горячим, и он утоляет жажду, избавляет от сонливости и головных болей, проясняет зрение, силой наполняет конечности, от него легко начинают двигаться все сто суставов. Легко справляется с сотней видов болезней, и по своему воздействию подобен божественной сладкой росе» (Цит. по: [2, с. 11]). В книге о чаепитии Б. Шарова отмечено, что чай в Европе, когда еще не знали, как он выглядит, сначала «продавался в аптеках, иногда даже по рецепту, что полностью соответствовало изначальным описаниям его свойств» [9, с. 19]. Все это дает основание предположить, что лечебный ЧР является вторичным по функции, так как произошел путем преобразования из бытового совета, а затем из медицинского совета. Трансформация жанра происходит за счет изменения сферы общения, образа адресата, степени obligatorности. Таким образом, происходит мутационный деривационный процесс, образование вторичного жанра посредством качественного изменения первичного жанра. Однако ЧР, образованный от первичного лечебного ЧР, являясь вторичным, уже становится производным в процессе модификационного преобразования, поскольку при изменении некоторых признаков соответствующий жанр ЧР остается прежним. Процесс мутированного преобразования происходит уже в художественном дискурсе (лечебный ЧР – легенда).

Модификация жанра связана с варьированием значимости функции, в том числе и с функционированием РЖ ЧР в бытовом, медицинском, профессиональном, «гастрономическом», публицистическом, художественном, живописном (в результате действия компрессии) дискурсах чаепития, с изменениями графико-пространственного параметра, параметров «образ адресанта» и «образ адресата», «орудие-средство», «время восприятия знака», «среда», «носитель знака», с варьированием формально-языкового воплощения.

Так, жанр церемониального ЧР подвергается, согласно типологии деривационных процессов в сфере речевых жанров М. А. Кантуровой [4], с одной стороны, «кристаллизующей» модификации, поскольку увеличивается значимость императивной функции (необходимо следовать определенному порядку и точным правилам заваривания чая) и повышается степень obligatorности, изменяется параметр «образ адресанта» (чайные церемонии проводит только чайный мастер или человек, имеющий определенное представление об этом). С другой стороны, можно считать, что церемониальный ЧР подвергается «размывающей сверхмодификации», поскольку изменяется выполняемая жанром функция: на первый план выходит эстетическая функция вместо императивной. Это влечет за собой и изменения в структурно-языковой организации сверхмодифицированного РЖ, в котором может опознаваться и «свернутый» с помощью деривационного механизма компрессии до заголовка или мини-текста жанр, восстанавливающийся при определенных условиях до полного жанра.

«Чайная церемония, – отмечает В. В. Овчинников, – учит находить прекрасное в обыденном. Это соединение искусства с буднями жизни» [7, с. 61]. См. также описание В. В. Овчинниковым первого знакомства с японской чайной церемонией: «Представьте себе, что парикмахер и еще три или четыре человека, ожидающих очереди побриться, уселись на полу совершенно пустой, полутемной комнаты. Действия парикмахера похожи на обычные: он насыпает в чашку порошок, заливает его кипятком, взбивает кисточкой пену. При чем делает все это так, словно он верховный жрец, выполняющий религиозный обряд. А все другие следят за этим священнодействием. Если мысленно заменить мыльный порошок растертым в пудру зеленым чаем, который взбивают бамбуковой метелочкой, очень похожей на кисточку для бритья, получаешь полную картину этого японского чуда...» [Там же, с. 60-61]. В последнем примере РЖ ЧР в публицистическом дискурсе подвергся вторичной мутации, поскольку появился «пародийный ЧР» – квазирецепт, выступающих как средство создания особой атмосферы (посредством сравнительной условной замены компонентов церемониального ЧР на компоненты бритья).

Вторичная мутация РЖ ЧР возможна и в том случае, когда от этого жанра заимствуется форма, а от другого – содержание, в результате чего получается «замаскированный» РЖ (так, из формы лечебного ЧР и семантики совета получается «чаепитие» – «замаскированный» лечебный чайный совет). Или определенный жанр «поглощает» РЖ ЧР, заимствуя у последнего имя и / или отдельные черты. Так, легенда «поглощает» РЖ лечебного ЧР (см. пример выше), лирическая миниатюра (или ее часть) «поглощает» РЖ бытового ЧР: Глухая тоска без причины / И дум неотвязный угар, / Давай-ка наколем лучины / Раздую себе самовар [12]!.. (А. Блок); Смеркалось. На столе, блистая, / Шипел вечерний самовар, / Китайский чайник нагревая, / Под ним клубился легкий пар. / Разлитый Ольгиной рукою, / По чашкам темною струею / Уже душистый чай бежал [14]!.. (А. Пушкин); Был пузатый самовар, / трехведерный самовар. / В нем качался кипяток, / пыхал паром кипяток, / разъяренный кипяток, / лился в чашку через кран, / через дырку прямо в кран, / прямо в чашку через кран [13]!.. (Д. Хармс) и др.

Заимствуя форму метафоры, РЖ бытового ЧР также подвергается вторичной мутации (см.: «*аптека в стакане*»).

Такому же мутационному преобразованию подвергаются бытовой и лечебный ЧР, «поглощенные» формами: 1) пословицы или поговорки (см.: В хорошей посуде и чай вкуснее; Приходите к чаю – пирогами угощаю; Свежий чай – это лекарство, старый чай – яд; Чай пьешь – до ста лет проживешь; Чашка крепкого

чая поддерживает работника от полудня до заката и др.; ср. также пословицы: Выпей чайку – забудешь тоску (русская), Выпьешь чай – прибавятся силы (китайская)); 2) загадки (см.: Я пыхчу, пыхчу, пыхчу – Больше греться не хочу. Крышка громко зазвенела – Пейте чай! – Вода вскипела!; Он пыхтит, как паровоз, Важно кверху держит нос. Пошумит, остепенится – Пригласит чайку напиться; Как начнет говорить-разговаривать – Надо чай поскорее заваривать. (Чайник) и др.).

ЧР может быть «поглощен» формой загадки наряду с другим РЖ – вербальным «чайным» натюрмортом.

См. также «свернутый» ЧР в структуре загадки, которая, в свою очередь, помещена в канву художественного произведения: «<...> А ежели по-богомольному, то вот как: –Ноет монашек, а в нем сто чашек?» – отгадай-ка, ну-ка? Самоварчик! А ну, опять... –Носик черен, бел-пузат, хвост калачиком назад?» Не знаешь? А вон он, чайничек-то! Я всякие загадки умею. А то еще богомольное, монахи любят... –Господа помо-лим, чайком грешки промо-ем!» А то и –жи-шки промоем”... и так говорят <...>» (И. С. Шмелев «Богомолье») [11].

Сверхмодификации подвержен РЖ ЧР в художественном дискурсе, поскольку носит вторичный характер. В произведениях художественной литературы (нами рассматривались произведения только русской литературы) ЧР отражает действительность эпохи, является частью событий текста; на его формирование в текстовом пространстве произведения оказывает влияние также и речевой авторский замысел, и замысел героев. РЖ ЧР в художественной ткани произведения принимает ритуализованную форму. С одной стороны, он может сворачиваться до заголовка, с другой, – использоваться в произведении целиком или расширяться за счет эмоциональной лексики, отражающей психологическое состояние писателя или персонажа и «конструкций, эксплицирующих сенсорно-вкусовую оценку» [8, с. 16]. ЧР может входить в диалоговую структуру произведения, быть, таким образом, частью другого РЖ – «чайной» беседы. В структуру ЧР может быть помещен РЖ «чайного» натюрморта. Выполняя в художественном дискурсе текстообразующую функцию и вступая в сложные отношения с текстом произведения, ЧР приобретает статус сюжетного события, выполняет наряду с эстетической функцией и информативную функцию. См., например, ЧР русского чаепития: дворянского – в произведениях И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др.; купеческого – в пьесах А. Н. Островского и др.; мещанского – в рассказах А. П. Чехова и др.; ЧР тюремного чаепития в произведениях А. И. Солженицына и др.; ЧР московского чаепития в очерках И. Т. Кокорева, Н. Б. Полякова и др.; ЧР деревенского чаепития в произведениях И. С. Шмелева, Ф. А. Абрамова, В. М. Шукшина, А. Я. Яшина и др.

Особую «размывающую» сверхмодификацию, а потом и мутацию приобрел живописный ЧР, «замаскированный» как в картинах русских художников и тесно связанный с жанром невербального «чайного» натюрморта, так и в их названиях («свернутых» текстах), созданных деривационным способом компрессии слухового «чайного» натюрморта и РЖ ЧР (см.: В. Перов. Чаепитие в Мытищах; М. Клодт. За чайком. 1889; А. Рябушкин. Чаепитие. 1903; Б. Кустодиев. Купчиха за чаем. 1918, Купчиха за чаем. 1923; И. Грабарь. За самоваром. 1905; К. Коровин. За чаем. 1888; А. Герасимов. Чаепитие. Портрет родителей художника. 1915; В. Нестеренко. Конфетки, бараночки. 1997; В. Стожаров. Чай с калачами. 1972; П. Кончаловский. Натюрморт с заварными чайниками. 1946 и др.). В данном преобразовании совмещены информационная и эстетическая функции, где последняя выходит на первое место. Согласно коммуникативно-семиотической модели РЖ Н. Б. Лебедевой [6], изменился «графико-пространственный параметр» (как?), параметр «орудие-средство» (чем?), параметр «субстрат, материальный носитель знака» (на чем?), параметр «носитель субстрата» (в чем?). См. также китайские и японские «чайные» гравюры, картины, иллюстрации к чайным канонам, рассказывающие об основных вехах чайного пути от сбора чайных листьев до приготовления чайного напитка.

Вторичной «размывающей» сверхмодификации, а затем и вторичной мутации подверглись и «чайные» топонимы с так называемым подразумеваемым «свернутым» текстом ЧР («Дедов-самовар», «Китайский чай», «Чайхана», «Ветка сакуры», «Заварник» и др.). Размытость наблюдается за счет сознательной авторской нечеткости, неточности, двусмысленности (иногда и «многосмысленности»). Восприятие адресатом топонима может отличаться от его толкования адресантом: иногда читатель обнаруживает значение, которое вообще не рассматривалось и не имелось в виду создателем. Размытость ориентируется и на менталитет, духовную культуру разных народов. Именно культурно-национальная специфика воплощается в номинациях через их образное содержание. Для правильного истолкования нужны не только знания контекста и контекстуальной ситуации, но и пресуппозитивные, фоновые знания. Автор названий объектов, вместе с тем, рассматривает на работу воображения зрителя-читателя, которое вызовет в сознании множество ассоциаций, связанных с «кусочком» общей картины – топонимом. В этой связи важно подчеркнуть, что соединение в топонимах названий шедевров литературного, изобразительного, музыкального искусства (иногда видоизмененных) и товаров массового потребления (чая, чайной утвари), казалось бы, вещей несоединимых, соответствует принципам эстетики постмодернизма (см.: «Мадам Завари») (ср. название произведения Г. Флобера «Госпожа Бовари») («Мадам Бовари»), «Ветка сакуры» (ср. название первой части «Ветка сакуры» книги В. В. Овчинникова «Сакура и дуб»); «Чайная симфония», «Чайный танец», «Чайное па» и др.). Сквозь ткань этих топонимов-текстов (вторичных текстов) просматриваются протословы, в качестве которых выступают как отдельные произведения, фамилии известных людей, так и жанры музыкальных, инструментально-вокальных произведений, литературных направлений и т.д. Вторичный текст обладает некоторыми свойствами, подчеркивающими его неидентичность протослову. Автор топонима обыгрывает сходство с протословом для привлечения целевой аудитории, вызывая у нее определенные ассоциации. Столкновение сходства и различия часто вызывает комический эффект. То рациональное, что всегда было преобладающим при номинации топообъектов, отступает – выдвигается, основываясь на культурных, литературных и прочих ассоциациях, виртуальный план. Появляются новые значения известных цитат из фольклора, литературы,

науки, аллюзии, деформированные идиомы и т.п. Топоним отражает определенную картину мира, особенности языкового облика эпохи. И в этой связи интересно само имя современного топообъекта как текста, между отдельными значениями которого заключено множество других его значений. Иногда с помощью средств графической образности придается иллюстративно-символический, фоновый план отдельному слову или его элементу. Встречаются «чайные» топонимы, содержащие компрессионный текст ЧР, где графема заменяется сходным по форме символом или рисунком, соответствующим значению слова (чашка чая, похожая на строчную букву «а»; чайный лист, напоминающий букву «А» без «перекладины»; верхний элемент буквы «Й», по форме похожий на пар, дымок из чашки горячего чая; иногда в топоним вставлены китайские или японские иероглифы, обозначающие слово «чай»). Подобную замену в «чайном» топониме можно считать особым случаем графической метафоризации. (Постмодернистские тенденции в современном «чайном» топонимобразовании мы рассмотрели в отдельной статье [3]). Коммуникативное информационное и эстетическое намерение сменяется рекламной функцией, видоизменяется также императивная функция, а следовательно, и параметры «образ автора» и «образ адресата», формальное воплощение, и «графико-пространственный» параметр (как?) и параметры «субстрат, материальный носитель знака» (на чем?) и «носитель субстрата» (в чем?). Таким образом, следует говорить о том, что в топониме произошло уже «тройное» мутационное преобразование ЧР как РЖ.

Так называемая «размывающая» модификация характерна для РЖ ЧР в бытовом дискурсе, так как изменение жанрообразующих признаков происходит в сторону увеличения вариативности: информативная функция становится преобладающей, уменьшается облигаторность (тонкости и правила заваривания чая, хотя и по ошибочному мнению, не так уж важны), адресат имеет четкие характеристики, поскольку может относиться к определенной группе; появляется свобода в структурном и языковом воплощениях.

Деривационным способом компрессии словесного «чайного» натюрморта и РЖ ЧР создан, по нашему мнению, РЖ чайного меню («свернутый» РЖ ЧР).

Таким образом, представленная М. А. Кантуровой методика описания процессов деривации в системе РЖ позволила нам проанализировать образование и изменения РЖ ЧР и дополнить имеющиеся исследования новыми представлениями о производности РЖ. Отдельную работу мы посвятили комплексным единицам дериватологии в области РЖ.

Список литературы

1. Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2004. 29 с.
2. Виноградский Б. Б. Путь чая. М.: Изд-во Жигульского, 2006. 160 с.
3. Завязкина И. Н. Постмодернистские тенденции в современном топонимобразовании (на примере наименований чайных магазинов и клубов) // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 14-18.
4. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере кулинарного рецепта): автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2012. 29 с.
5. Карагодина И. А. Жанрово-стилистическая матрица современного рассказа-анекдота // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12. Ч. 1. С. 102-104 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/12-1/28.html> (дата обращения: 29.06.2014).
6. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 116-123.
7. Овчинников В. В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. М.: Дрофа, 2005. 512 с.
8. Филиппова Е. В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (на материале малой прозы 60-80-х годов XX века): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2004. 21 с.
9. Шаров Б. В. Чай и чаепитие (Секреты выбора и приготовления чая). Киев: Елисейские Поля, 2006. 104 с.
10. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 62-67.
11. http://www.pravoslavie.by?page_book/bogomolnyj-sadik (дата обращения: 26.06.2014).
12. <http://www.rupoem.ru/blok/na-ulice-dozhdik.aspx> (дата обращения: 26.06.2014).
13. <http://www.rupoem.ru/xarms/ivan-ivanich-samovar.aspx> (дата обращения: 26.06.2014).
14. <http://www.1001statya.ru/read.php?pid=15462> (дата обращения: 26.06.2014).

SPEECH GENRE OF TEA RECIPE: MODIFICATION AND MUTATIONAL PROCESSES OF DERIVATIVENESS

Zavyazkina Irina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
North Caucasian Federal University
irina.zavyazkina@yandex.ru

In the article modification (intra-genre) and mutational (inter-genre) processes of derivation in formation and change of speech genre of tea recipe are considered. The existing researchs have been supplemented with new ideas about derivativeness of this genre and this gives a possibility to form its characteristic in different perspectives of historical and cultural development. The changes are connected with transformation of genre-formative parameters in various spheres of the tea recipe functioning with variation of structural-linguistic features.

Key words and phrases: speech genre; tea recipe; discourse of tea-party; derivatology; derivational processes; modification; mutation.